

**РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

Л. Б. Сукина

**ПЕРВОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ РУССКОГО ЛИЦЕВОГО СИНОДИКА XVII В.
В БОЛГАРИИ**

**(ИВАНКА ЙОРДАНОВА ГЕРГОВА. ДУХОВНИ ОБРАЗИ. РУСКИ
ИЛЮСТРИРАН СИНОДИК. СОФИЯ, 2013. – 340 с.)**

В 2013 г. в академическом издательстве им. профессора Марина Дринова в Софии вышла публикация русского лицевого синодика 90-х годов XVII в., подготовленная Иванкой Йордановой Герговой в Институте исследования искусств Болгарской академии наук. Опубликованная И. Герговой рукопись хранится в Национальной библиотеке им. святых Кирилла и Мефодия (НБКМ 815), в собрание которой она была приобретена в 1920 г., и включена в каталог под названием «Духовные образы» [Цонев, с. 504–505]. Книга была реставрирована библиотекой в 2013 г., тогда же она была издана фототипически московским издательством «Актеон» (М., 2013).

Болгарское издание существенно отличается от московского. Текст рукописи воспроизводится на церковнославянском языке подлинника и сопровождается переводами на современные болгарский и русский языки. Миниатюры опубликованы в цвете, в факсимильном качестве и сопровождаются кратким описанием сюжетов изображений на болгарском и русском языках (С. 56–338).

Публикация русского рукописного синодика XVII в. за рубежом — факт сам по себе примечательный. Синодик — специфичный для русской средневековой книжности тип богослужебного и учительного сборника — был широко распространен в церковной коммеморационной практике XVI–XVIII в. [Дергачева; Поньрко], но лишь недавно стал объектом пристального внимания довольно широкого круга специалистов в области православной культуры в России и за ее пределами. Практика полнотекстовых публикаций синодиков, начавшая складываться в конце XIX в. во многом благодаря деятельности Императорского Общества любителей древней письменности и искусства (см., например: [Никанор]), была прервана на столетие и возобновлена только в последнее время (см., например: [Башнин; Маштафаров]).

Главным достоинством болгарского издания является предваряющая публикацию синодика обширная вступительная статья И. Герговой, опирающаяся на основательную проработку историографии и содержащая обстоятельное археографическое и искусствоведческое исследование рукописи (С. 7–53). Она включает описание книги до реставрации (С. 12–15), что имеет немаловажное значение для специалистов. Во время реставрации 2013 г. рукопись была расшита и ее листы собраны в переплет в новом порядке, согласующемся с логикой текста. В конце рецензируемого издания, в приложении приведены соответствия старых и новых номеров листов.

В статье И. Герговой также публикуются записи, сделанные на листах рукописи в разное время ее бытования (С. 15–16), в том числе отсутствующие в описи Б. Цонева [Цонев, с. 505] и вновь открытые во время последней реставрации.

Совокупность палеографических данных позволила отнести рукопись к 90-м годам XVII в., также определено, что ее письмо — полуустав, испытавший влияние старопечатных шрифтов, а почерк текста принадлежит одной руке.

Приведенный в публикации состав рукописи (Ветхозаветный цикл; Заупокойные стихиры Иоанна Дамаскина; Лествица Иоанна Лествичника; Повесть об Афанасии игуменье; Слово аввы Макария Александрийского о четырехдесятнице; Притча преп. Варлаама о жизни и смерти и о суетном богатстве; Повесть об исходе души из тела и о мытарствах) соответствует ее жанру, указанному в заголовке «Предисловие синодика». И. Гергова сделала совершенно правомерный вывод, что, «имея в виду состав текстов, язык, богатое украшение и датировку рукописи, ее идентификация не представляет трудности — это русский лицевой синодик того типа, который появился и развивался в России и встречается только там». Думается, не лишним было бы уточнение, что в данном случае — это предназначенный для душеполезного чтения синодик — литературный сборник, в котором отсутствует список имен для церковного поминания, обязательный в богослужбных синодичных рукописях [Дергачева, с. 17–18; Поньрко, с. 339]. Тем более что такая существенная для понимания смысла и содержания публикуемой рукописи информация имплицитно присутствует в последующих рассуждениях исследователя о месте синодиков в корпусе русской средневековой книжности религиозного назначения.

Несмотря на то что в самой рукописи отсутствуют какие-либо указания на место написания и предназначение данного синодика, предположение И. Герговой о его связи со старообрядческой средой представляется обоснованным (С. 21–25). Об этом убедительно свидетельствуют особенности подбора текстовых фрагментов и иконографии миниатюр (например, восьмиконечные кресты на церковных куполах).

Выделяя характерные особенности рукописи (подход к «форматированию» и комментированию выбранных текстов, использование вставок и вклеек), исследователь справедливо полагает, что они «дают возможность заглянуть в процесс ее создания» (С. 25). Сильное сокращение текстов, отсутствие у большинства из них заголовков могут говорить о том, что книга предназначалась для людей, прекрасно знавших Священное Писание и Предание, агиографию и учительную литературу. И. Гергова предполагает, что это могли быть монахи (С. 27). Но, учитывая датировку рукописи и ее возможное старообрядческое происхождение и бытование, правомернее считать ее адресатом наиболее образованную часть последователей старой веры.

Значительное место во вступительной статье уделено исследованию миниатюр публикуемого синодика. Российской наукой накоплен определенный опыт изучения русской средневековой лицевой книги XVII в. [Свирин; Белоброва; Грибов; Сукина], но уже осуществленные публикации не охватывают весь массив имеющих художественную ценность памятников, поэтому каждая новая студия представляет значительный интерес для специалистов, тем более что, как подчеркивает И. Гергова, «мастерство исполнения миниатюр, сравнительно богатый колорит и красивый почерк текста ставят синодик из Национальной библиотеки в Софии на уровень выше среднего» (С. 39).

Особенности рукописи софийского синодика (отсутствие текстов к некоторым изображениям ветхозаветного цикла, нелогичное расположение пустых страниц во многих местах) позволяют говорить о том, что миниатюры были выполнены раньше текста. В изображениях были использованы темпера и акварель. Для черного контура изображений,

по мнению И. Герговой, были использованы те же самые чернила, что и для текста (С. 27). Возможно, рукопись выполнена в одной скриптории, где работали и художники, и писцы. Такой метод создания рукописной книги был характерен для русского книгописания XVII в. [Сукина, с. 34–35].

Исследователю удалось выделить манеры трех иллюстраторов, один из которых, возможно, был и переписчиком рукописи (С. 34). Особое внимание И. Гергова уделяет циклу «Сотворение», в миниатюрах которого использована иконография известных гравюр Библии Пискатора, подвергнутая значительной трансформации. Хотя синодик из Софии в целом традиционен для русской лицевой книжности XVII в., его публикатору удалось найти наиболее близкие к нему по иконографии и манере художественного оформления рукописи — синодик из собрания Третьяковской галереи, который атрибутируется как ярославский [Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания, № 9], и синодик из собрания В. М. Ундольского (РГБ. Ф. 310. № 154).

Какой бы соблазнительной ни представлялась возможность связать создание рукописи с одной из крупнейших в конце XVII в. художественных школ (а именно Ярославской), И. Гергова, последовательно придерживаясь принципа строгости научного исследования, подчеркивает, что «место создания рукописи и ее ранняя судьба полностью неизвестны» (С. 40). Как синодик попал в Болгарию, установить также не удалось. То, что этот совершенно неведомый болгарскому духовенству тип синодика вызывал большой интерес, показывают следы неоднократной «реставрации» книги, которую читали не только днем, но и ночью при свете свечи, заливая страницы воском, неоднократно перенумеровывали тексты и иллюстрации после утраты листов, делали пометы и, наконец, дополнили стихом о смерти, заимствованным из болгарского сборника, известного в списках конца XVIII в.

Особое значение, по мнению И. Герговой, имели иллюстрации синодика, так как в собственно болгарской рукописной традиции такие богато иллюминированные рукописи отсутствовали (С. 41). Один из владельцев синодика дал ему новое название «Духовные образы», отпечатав его на тыльной стороне переплета. Исследователь предполагает, что книга использовалась в Болгарии и как пособие по иконописи (С. 41).

В конце XVIII в. этот синодик оказался в прославленном Рильском монастыре, но, как считает И. Гергова, не входил в состав монастырской библиотеки, а находился в частной монашеской собственности, переходя от духовного отца к духовному сыну (С. 52). Подтверждение бытования синодика среди рильских братьев исследователь видит в том, что иконография его миниатюр воспроизведена в стенописях монастырских храмов — Хрелевой церкви, расписанной Христо Димитровым из Самокова после ее перестройки в 1794 г., и притвора церкви Покрова Богородицы в Новой Постнице, украшенного в 1811 г. иконописцем из Банско Томой Вишановым, прозванным Малерой (С. 41–49). В этих росписях использована новая в болгарском искусстве тема посмертной судьбы человеческой души — мытарства. О том, что в качестве образца были использованы миниатюры софийского синодика, говорят иконографические детали фресок (например, фигура выпивающего беса, сидящего на бочке, — символ греха пьянства). И. Гергова утверждает, что роль публикуемого ею синодика во введении в болгарское искусство нового цикла сцен огромна. Эта неизвестно как попавшая на Балканы русская рукопись обогатила художественный словарь болгарского православного искусства (С. 49, 53).

В целом, предпринятая И. Герговой научная публикация синодика из Национальной библиотеки в Софии представляет значительный интерес для исследователей, занимающихся изучением русской лицевой книжности XVII в. Она также открывает новые перспективы исследования культурных взаимосвязей России и Болгарии в XVII–XIX в.

Литература

- Белоброва О. А. Лицевые рукописи Древлехранилища Пушкинского дома (краткий обзор) // Белоброва О. А. Очерки русской художественной культуры XVI–XVII века. М., 2005. С. 134–137.
- Грибов Ю. А. Новые атрибуции русских лицевых рукописей XVII в. // Труды Государственного исторического музея. Русская книжность XV–XIX вв. М., 1989. С. 80–118.
- Дергачева И. В. Древнерусский Синодик. М., 2011.
- Маштафаров А. В. Синодик Коневского Богородицкого Рождественского монастыря XVI в. URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/5199033/> (дата обращения: 05.01.2015).
- Никанор, еп. Синодик Двинского Михаило-Архангельского монастыря. (Памятники древней письменности. Т. СХVII.) СПб., 1896.
- Поньрко Н. В. Синодик // СККДР. Вторая половина XIV – XVI в. Л., 1989. Ч. II. С. 339–344.
- Свирич А. Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950.
- Синодик Никольского Староладожского монастыря конца XVI – XIX века / Подгот. текстов и исслед. Н. В. Башнина. М.; СПб., 2012. (Башнин)
- Сукина Л. Б. Лицевые книги эсхатологического жанра в русской культуре XVII века. Апокалипсисы и Синодики. Saarbrücken, 2012.
- Цонев Б. Опис на славянските ръкописи в софийската Народна библиотека. София, 1923. Т. II.